

ТОМСИНОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ

РУССКИЙ ЗАКОНОИСКУСНИК ЗАХАР АНИКЕЕВИЧ ГОРЮШКИН (1748–1821)

---

*профессор, заведующий кафедрой
истории государства и права
юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук*

З.А. Горюшкин занимает особое место в истории русской юриспруденции. Он принадлежит к той категории людей, которых в России называют «самородками» или «самоучками». Захар Аникеевич не учился в учебных заведениях — обширные юридические знания, которыми он славился среди своих современников, ему пришлось приобретать путем самообразования и в процессе многолетней практической деятельности в различных ведомствах государственного управления. В кругу ученых-правоведов Горюшкин считался авторитетнейшим законоискусником, самым ярким представителем практического направления в русской юриспруденции конца XVIII — начала XIX века. Его по праву можно считать родоначальником отечественной науки гражданского процесса, которую в тогдашней России именовали наукой гражданского судоустройства и судопроизводства. Он был автором первых научных трудов в этой области юриспруденции. Он был и первым преподавателем этой науки на юри-

дическом факультете¹ Императорского Московского государственного университета, и преподавателем весьма оригинальным. Обучая студентов премудростям гражданского процесса, он устраивал в аудиториях самые настоящие театральные спектакли, главным содержанием которых были судебные процессы. Главными артистами, т. е. судьями, истцами и ответчиками, свидетелями были сами студентами, а зрителем — их преподаватель.

В предлагаемой статье, основанной на документальных материалах, в том числе и архивных, Горюшкин предстает в качестве не только юриста, но и человека. История его жизни, его судьба столь же интересна, как и его деятельность в качестве законоискусника, она столь же оригинальна, как и его научные труды.

* * *

Родился Захар Аникеевич Горюшкин 5 сентября 1748 г. в Москве в семье бедного дворянина². В возрасте 13-ти лет, научившись разве что считать, читать и писать, он определился на государственную службу в Московскую воеводскую канцелярию. В 1763 г. его перевели в так называемый Сыскной приказ. Служба в качестве подьячего в учреждении, специально предназначенном для допросов и пыток людей, обвиняемых в совершении тех или иных преступлений, стала для юного Горюшкина первым в его жизни тяжким испытанием. Много лет спустя Захар Аникеевич вспоминал об атмосфере, существовавшей в Сыскном приказе. По его словам, работавшие здесь судьи хвастались друг перед другом об изобретении новых способов истязания обвиняемых. «Случилось мне, — рассказывал он, — зайти в пыталную палату или застенок по окончании присутствия; на полу я увидел кучку лоскутков окровавленной кожи; спрашиваю у палача: что это такое? — Как что! Выкройка из спины!»

Для служивших в Сыскном приказе страшные пытки были обыденностью, они привыкли к ним, как к обыкновенному рутинному занятию. Более того, подьячие нередко использовали пытки для собственной материальной наживы. Так, бывало, призвут к себе в Приказ каких-нибудь колодников из тюрьмы под предлогом проверки сказанного ими ранее под пыткой да нашепчут им, кого еще оговорить. Естественно, выберут имя кого-нибудь из зажиточных. Колодники по такому наущению радостно объявят во всеуслышание, что с ними соучастником в лихом деле был такой-то человек. Ночью подьячие нагрянут к оговоренному в дом — тот в ужасе сунет им деньги, да они еще и сами пройдутся по комнатам и прихватят себе что-нибудь ценное в дополнение к подношению. Потом повезут оговоренного в Приказ. Там сначала для приличия станут пытать колодников. Колодники сознаются, что напраслину возвели на человека. Им за это: при посторонних — пятнадцать-двадцать ударов кнутом, а наедине — по два-три целковых. А оговоренного отпустят домой. И тот идет... глубоко счастливый! Хотя днем раньше — в благополучии — совсем, быть может, несчастным был. Много ли надо человеку для счастья!?

Прослужив некоторое время в столь страшном ведомстве, Горюшкин перешел в Судный приказ. После нескольких лет работы здесь его перевели в Вотчинную коллегию, затем в Юстиц-коллегию.

В том, что З.А. Горюшкин пошел на государственную службу, не достигнув еще совершеннолетия, не было ничего удивительного. По обыкновению в России того времени начинали служить в возрасте 15—16 лет. Родители старались насколько возможно раньше определить своих чад на государственную службу для того, чтобы они, соответственно, ранее могли выйти в чины. Удивительным было другое — то, что в жестокой атмосфере российских государственных учреждений молодой

¹ В то время писали не на юридическом факультете, а в юридическом факультете.

² В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона говорится, что «Горюшкины — старинный русский дворянский род, ведущий начало от Павла Степановича Горюшкина, помещенного в 1653 г., записан в VI части родословной книги Орловской губернии, но Герольдией не был утвержден в древнем

дворянстве за недостаточностью представленных документов. Другой род Горюшкиных, происходящий от рязанца Кирилла Ивановича Горюшкина, верстанного помещьем в 1628 г., записан был в VI часть родословной книги Рязанской губернии, но Герольдией не утвержден по недостаточности доказательств. Есть еще два дворянских рода Горюшкиных позднейшего происхождения»

человек нашел в себе душевные силы для самообразования. В свободное от службы время он стал самостоятельно изучать русскую грамматику, арифметику, логику, читать имевшиеся на русском языке исторические, философские и юридические сочинения. Он продолжал интенсивное самообразование и после того, как женился.

Эти занятия развили его природный ум, работа же с канцелярскими документами позволила ему приобрести необходимые практические навыки ведения гражданских и уголовных дел в судах. Благодаря уникальному сочетанию теоретических знаний, приобретенных им в процессе самообразования, и практического опыта государственной службы Захар Аникеевич стал редким для тогдашней России специалистом в области юриспруденции.

Как выдающийся законоискусник (так называли в России знатоков практической юриспруденции) он сделался известным директору Императорского Московского университета П.И. Фон-Визину. Последний пригласил в 1785 г. Горюшкина преподавать во вверенном ему учебном заведении российское практическое правоведение. 1 января 1786 г. Захар Аникеевич был зачислен в штат преподавателей юридического факультета Московского университета на профессорскую должность. В этом качестве он и останется до самого увольнения из университета. Звания профессора он за двадцать четыре года университетской службы так и не получит. Профессорами юридического факультета в то время были в основном немцы. Исключение составлял лишь С.Е. Десницкий, но он из-за болезни заканчивал тогда уже свою преподавательскую деятельность.

С сентября 1790 г. З.А. Горюшкин стал вести класс русского практического законоискусства и в университетском Благородном пансионе³. В издан-

ном в указанном году «Кратком начертании учебных классов и вообще всего порядка, наблюдаемого при содержании Вольного Благородного Пансиона, учрежденного при Императорском Московском Университете» говорилось: «Главная цель заведения сего Пансиона состоит в том, дабы доставить лучшее, легчайшее и основательнейшее пред прочими частными пансионами воспитание благородному юношеству». Среди имен преподавателей упоминалась в этом документе и фамилия Горюшкина. В пункте 4 раздела «Порядок учения и кто чему именно в пансионе сем учит» было напечатано следующее: «Практическому законоискусству. Захар Горюшкин, коллежский асессор, по понедельникам и четверткам от 6 до 8 пополудни, предложит, во-первых, общее понятие о российских правах и законах, о начале и происхождении оных, с разделением на разные роды и виды, о присутственных местах, о должностях судей и всех чинов со всеми переменами, происходившими до нынешних времен, будет показывать потом обряд, каковой должно употреблять при сочинении всяких писем и прошений, касающихся до судебных дел, и порядок, по которому вносить их должно в судебные места и отправлять производство самых дел; а дабы всему тому научить практически, то составя для того судебные места и наполня их всеми нужными к тому членами из самых учащих по образу, начертанному в Высочайших учреждениях о управлении губерний Всероссийской Империи и прочих законах, заставит учащихся самым делом отправлять судопроизводство по задаваемым от него разного содержания делам».

Занимаясь преподаванием в Московском университете, З.А. Горюшкин одновременно продолжал свою службу в государственных учреждениях. С 25 ноября 1792 г. он состоял в чине коллежского асессора членом Московской палаты уголовного суда. Здесь произошло его столкновение по делу

³ Относительно года учреждения Благородного пансиона единства нет как в исторических работах, так и в документах: называют и 1776, и 1779 гг. «Постановление Благородного Пансиона, при Императорском Московском университете учрежденного», изданное в 1806 г., гласило: «Императорский Московский Университет, движимый патриотическим желанием доставить почтенному Дворянству всевозможные способы приличного сему званию воспитания, в 1779 году основал Благородный Пансион, и заведение сие

существует 27 лет с немалую общественную пользою». В «Объявлении же о Благородном Пансионе, учрежденном при Императорском Московском университете», изданном в 1812 г., говорилось: «Императорский Московский Университет, движимый патриотическим желанием доставить почтенному Дворянству всевозможные способы приличного сему званию Воспитания, в 1776-м году основал Благородный пансион, и Заведение сие существует 35 лет с немалую общественною пользою».

известного издателя-просветителя и масона Н.И. Новикова с могущественным в то время московским главнокомандующим князем А.А. Прозоровским. По данному делу проходили также книгопродавцы, торговавшие последними изданиями Новикова, как-то: Никита Кольчугин, Иван Переплетчиков, Матвей Глазунов, Тимофей Полежаев и другие (всего 15 человек). Московский городской магистрат, уездный и нижний надворный суды приговорили семерых книгопродавцев к каторжным работам. Поскольку закона, на основании которого можно было бы назначить наказание за торговлю запрещенными книгами, в России в то время не было, названные судебные инстанции основывали свой жестокий приговор на Именном указе Петра I от 9 февраля 1720 г. Данный законодательный акт предписывал чинить исполнение дел строго по опубликованным государевым указам и устанавливал жестокие наказания для нарушителей установленных ими норм. «Того ради сим всем объявляется, — говорилось в нем, — что кто в какое преступление впадет, противу опубликованным указам, а другой, ведая про те указы, но смотря на других, тож станет делать, или ведая не известит, тот будет без пощады казнен или наказан, так как в тех опубликованных указах за преступление объявлено, не ставя то ему в оправдание, что смотря на другого чинил, чего для надлежит всякому поступать по указам, и хранить оные, и чтоб впредь никто неведением не отговаривался»⁴.

При рассмотрении дела книгопродавцев в Московской уголовной палате Горюшкин высказал мнение о том, что указ от 9 февраля 1720 г. к нему не подходит, и выступил за то, чтобы обвиняемых наказали по указам о запрещенной торговле, взыскав с каждого денежную сумму в размере стоимости обнаруженных у него запрещенных книг. Причем на этом своем мнении Захар Анিকেевич, судя по дошедшему до нас докладу А.А. Прозоровского Екатерине II, упрямо настаивал, несмотря на замечания губернского прокурора и самого Прозоровского. «Прокурор и в Уголовной палате ему, Горюшкину, замечания делал, — докладывал князь императрице, — наконец, предложил палате дис-

пут; а я, по донесению мне прокурора, дал палате письменное предложение в вышеизъясненных словах, как я и прокурору словесно замечал, но непонятию ль, или по упрямству его, Горюшкина, все сие недовольно было отвратить сего от несообразного к сему делу голоса; а по сему уже его упрямству дал я предложение палате, в котором ему, сделав должное замечание, рекомендовал впредь мнения полагать по точности дела и по прямому разуму закона»⁵. Книгопродавцы все равно были осуждены (освобождены они были от наказания лишь спустя три года по указу Екатерины II от 2 июля 1796 г., изданному по случаю рождения великого князя Николая Павловича), но Горюшкин обнаружил в этом деле лучшие свои качества, в первую очередь — личное мужество, преданность личным своим убеждениям, способность открыто выступить против мнений власть предержащих.

11 августа 1795 г. З.А. Горюшкин был переведен сенатским указом из Уголовной палаты в Казенную палату. Но чиновная карьера не увлекла его. Свободная от бюрократических оков преподавательская деятельность больше соответствовала складу его души.

Преподавание права в Московском университете осуществлялось Горюшкиным в весьма необычной манере. Он придавал своим лекциям характер театрального действия: аудитория, в которой читался им лекционный курс, превращалась как бы в зал судебного заседания, из студентов избирались основные участники судебного процесса — судьи, секретари, обвиняемые и т.п. Такое преподавание давало студентам достаточно много. По общему признанию, из учеников Горюшкина получались хорошие стряпчие. Впоследствии кое-кто из них достиг по службе даже званий сенатора и министра.

Учившийся у него сенатор Ф.П. Лубяновский (в 1819—1829 гг. — пензенский, а в 1830—1833 гг. — подольский губернатор) вспоминал о годах своей учебы в Московском университете: «По русскому законодательству мы были на руках у г. Горюшки-

⁴ Указ от 9 февраля 1720 г. «О наказании за преступление против опубликованных указов» // 1-ПСЗРИ. Т. VI. № 3510.

⁵ Цит. по: Пекарский П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 163.

на, славившегося тогда в Москве всеобъемлющим законоведением, разумом в сочинении прошений и практическим знанием применять закон к данному случаю. Под руководством его можно было научиться писать прошения на высочайшее имя по изданной форме и по пунктам. Если дозволено назвать это недостатками, то нельзя не принять в уважение, что тогда не было еще ни «Русской истории» Карамзина, ни «Полного собрания», ни «Свода законов», ни лицеев, ни училища правоведения»⁶.

Будучи юристом-практиком, представляя своими лекциями в университете прежде всего *практическую* часть русской юриспруденции, Горюшкин придавал тем не менее большое значение *теоретическим* знаниям о праве. Об этом свидетельствует, к примеру, уже само название лекции, прочитанной им 5 сентября 1790 г., в день открытия класса российского практического законоискусства, в Благородном пансионе: «Краткое рассуждение о нужде всеобщего знания российского законоискусства и о том, что несравненно тягостнее приобретать сию науку навыком при отправлении дел в судебных местах, нежели по правилам, избранным из законов».

В этой лекции Горюшкин говорил: «Сколь важна сия наука, столь и многотрудны к достижению ее средства, дабы научиться оной обыкновенным приказным порядком, меня уверяет в том непрерывное в течение почти тридцати лет самым делом упражнение в судебных местах, начиная от первых канцелярских степеней приобретать мои сведения и прилежнейшее старание о собрании, сколько можно, о сем правил, обыкновением введенных и в законах предписанных. Таковой опыт дает мне смелость предложить, что для получения основательных сведений не доставало мне знания, приобретенного мною одним навыком при отправлении самым делом разных канцелярских должностей; ибо их там иным образом и получить не можно, потому что на вопрос о том, почему так делается, они обыкновенно отвечают только то,

что и прежде все другие так же делали, а сомневающегося далее разрешают показыванием самых таковых деяний, о которых вопрос настоит. Но известно, что побуждаемый стремительным любопытством искать в чем-либо основательных причин таковым ответом мало будет доволен. Более мне недостаток сей открылся, когда я, входя в порядочное рассуждение судебных деяний, усматривал во многих из них такие выражения, которые затмевают точное понятие содержащихся в них материй; а снося их с равными или подобными деяниями, отправляемыми в других местах, находил во многом несходство. Но, желая и при сем случае разрешения моего недоумения, в ответ получал от предпочитаемых многими в приказном звании и то, что там заведен такой порядок, или другое подобное сему; а потом они решительно заключали обыкновенным их правилом, подтвержденным многими опытами, что сея самые ради причины знающий порядок в одном судебном месте, переведен будучи в другое, непременно должен будет снова учиться порядку, в оном употребляемому... Из сего не ясно ли видеть можно, сколь надежнее приобретать навык российского *практического* законоискусства при всех недостатках, свойственных новости таковой науки, по правилам, избранным из законов, нежели при производстве дел в судебных местах»⁷.

Результатом трудов З.А. Горюшкина в области теоретического правоведения явилось объемное, составлявшее в целом более 2000 страниц, сочинение «Руководство к познанию российского законоискусства». Оно было издано в 4-х переплетах (так Горюшкин назвал тома. — **В.Т.**) в 1811—1816 гг.

Ко времени выхода в свет первого переплета (тома) Захар Аникеевич покинул Университет. Он вынужден был это сделать, поскольку Совет Университета отказался утвердить его в должности профессора на том основании, что он «не был профессором, а только занимал «кафедру ординарного профессора прав гражданского судопроизводства». 31 января 1811 г. попечитель Московского

⁶ Лубяновский Ф.П. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 48.

⁷ Горюшкин З.А. Краткое рассуждение о нужде всеобщего зна-

ния российского законоискусства... // Горюшкин З.А. Руководство к познанию российского законоискусства. Т. 1. М., 1811. С. VI—X.

учебного округа П.И. Голенищев-Кутузов представил его к увольнению из Московского университета⁸. 10 февраля император Александр I пожаловал уволенному в отставку Горюшкину чин статского советника за его общую беспорочную службу в течение 47 лет.

В качестве университетского преподавателя Горюшкина заменил Николай Николаевич Сандунов (1766–1832). Это была достойная замена⁹. Но как законоискусника, глубокого знатока различных тонкостей, хитросплетений действующего российского законодательства его не мог заменить никто.

Его старый московский дом на 4-й Мещанской улице, который чудом уцелел в пожаре 1812 г., стал как будто новым местом его службы — но не чиновной, а в качестве доброго и мудрого советчика. К нему продолжали, как и прежде, обращаться за советами по юридическим, да и просто по жизненным вопросам, и он редко кому отказывал. «Он был оракулом для многих; к нему прибегали за советами в затруднительных случаях и запутанных делах вельможи, сенаторы и профессоры», — записал в своих мемуарах лично знавший Горюшкина И.М. Снегирев.

Писатель-историк Н.М. Карамзин при работе над своей знаменитой «Историей Государства Российского» неоднократно брал консультации у Горюшкина по проблемам древнерусского законодательства. И не только консультации. Захар Аникеевич собрал за свою жизнь библиотеку ценнейших книг и рукописей. Были в ней и редкие списки «Русской Правды», различных древнерусских летописей. В собственных примечаниях Карамзина ко второму тому «Истории Государства Российского» можно найти, к примеру, такие слова: «В одном списке *Правды*, полученном мною от Г. Горюшкина...» А в примечаниях к пятому тому Николай Михайлович признавал

ся, что грамоту великого князя Василия Дмитриевича митрополиту Киевскому и Всея Руси он выписал «из Горюшкинского летописца слово в слово».

Умер Горюшкин 24 сентября 1821 г. В посвященном ему некрологе, который был напечатан в ноябрьском номере «Отечественных записок», говорилось: «Захар Аникеевич Горюшкин, известный Российский Законоискусник, скончался в Москве на 74 году от рождения. Гражданскую службу свою он начал с Приказа Сысского и кончил Уголовною Палатою, где был 1-м Членом. Сам собою, без руководства наставников, приобрел он обширные сведения в Законоискусстве и, по славе сей, призван был в Московский Университет для преподавания Российского Практического Правоведения...»¹⁰.

Из текста духовного завещания, оставленного З.А. Горюшкиным и переданного 28 июня 1821 г. из Московского губернского правления в правление Императорского Московского университета, видно, что на момент своей смерти «статский советник Захарий Аникеев сын Горюшкин» имел, помимо книг, наличных денег, разных долговых обязательств, одежды, мебели, экипажей, следующее «благоприобретенное движимое и недвижимое» имущество: дом в Москве на 4-й Мещанской улице «с садом и всякого рода принадлежностями и с приписанными к нему дворовыми людьми», земельные участки на территории Москвы («близ убогих домов под № 36-м, и у Казанской Божьей Матери, что в Сущеве, под № 136-м»), земли с людьми, крестьянами — в деревне Бухолове Владимирского уезда, в деревне Путовой Егорьевского уезда, в деревне Хливковке Ряжского уезда.

Все это имущество он завещал «в вечное и потомственное владение» своей жене Елизавете Аникеевне¹¹, вменив ей в обязанность отпустить на волю,

⁶ Лубяновский Ф.П. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 48.

⁸ Центральный исторический архив г. Москвы (далее — ЦИАМ). Фонд 459. Оп. 11. Ед. хр. 2. Л. 77.

⁹ 6 июня 1810 г. графу А.К. Разумовскому доложили, что на место Горюшкина «просится человек предостойный и отчасти Вашему сиятельству известный его бескорыстием: наш обер-секретарь, статский советник Сандунов. Он учился и студентом был в университете; юриспруденцию так знает, как мало есть людей ее знающих».

¹⁰ Отечественные записки, издаваемые Павлом Свинымым. 1821.

Ч. 8. № 19. С. 269–270.

¹¹ В тексте завещания — «Елизавете Аникеевой дочери». Родных детей у Захара Аникеевича и его супруги Елизаветы Аникеевны не было. В тексте духовного завещания упоминается состоявшийся у него под опекой «воспитанник унтер-офицер Сергей Васильев сын Лебедев». Горюшкин сообщил, что должен внести в скором времени 15 руб. ассигнациями в его пользу в Опекунский совет и вменил своей жене «непрерывную обязанность» в случае, если он по каким-то причинам возьмет из помещенного им в этот Совет капитала часть или весь его, внести все это обратно в Опекунский совет, добавив означенную сумму.

«когда домашние обстоятельства ее то позволят» шестерых своих крепостных дворовых людей, «написанных по ревизии при московском доме».

В последнем пункте завещания Захар Аникеевич выразил свою волю относительно судьбы написанных им книг: «Копии сочинения моего, под названием Российское законоискусство в четырех, Описание судебных действий в трех переплетах, отдать в оный университет, с тем, чтобы, продавая их, деньги отсылать навсегда в Московский Опекунский Совет для приращения из процентов, которые со дня устройства при оном университете гимназии, по сообщении университета отсылать в оной на наличное число, поименно, гимназисту по 150 руб., студентам, выходящим из оной в университет, по 250 руб.»

* * *

Профессор Московского университета И.М. Снегирев (1793—1868) оставил нам следующее описание внешнего облика Горюшкина, которого он часто видел в доме своего отца: «По приемам и костюму Захар Аникеевич не походил на прежнего подьячего, но скорее на щеголеватого барина; черты лица были у него правильные, глаза маленькие, рот узкий, выражавший пронизательность и скромность. Он пудрился, украшал волосы пуклями, носил модный кафтан и шлифные на башмаках пряжки с розами или стразами, двое часов в карманах с золотыми цепочками, на пальцах жалованные бриллиантовые перстни»¹².

По словам профессора права И.Ф. Тимковского (1773—1853), Захар Аникеевич Горюшкин был «росту среднего, худощав, темно-рус, лица бледного с морщинами, неказистого, с прижатым голосом; имел впрочем вид доброго внушения»¹³.

З.А. Горюшкин славился своими познаниями в русской истории. Он был глубоким знатоком народных традиций, обычаев, носил в своей памяти огромное

количество различных пословиц и поговорок. Он любил изящные искусства: организовал в своем доме театр, устраивал и концерты музыки. Но главным его увлечением было законоискусство. Это слово лучше, нежели термин «юриспруденция», подходит для обозначения характера его знаний в области права, приобретенных посредством долголетнего практического упражнения в законах.

Но примечательно, что Горюшкин именовал законоискусство наукой. «Законоискусственная наука, быв в сопряжении с прочими частями учености, как-то: математикою и философию, — писал он, — есть знание прав и законов, дабы уметь справедливо применять оные к деяниям человеческим, или деяния человеческие к законам, и выводить заключения, непосредственно следующие из сравнения сих двух предложений; или разбирать и полагать, которое действие противно законам и которое сходно с оными; или иначе наукою судить дела человеческие по точной силе и словам законов; или законоискусство есть деятельный навык праведно судить дела человеческие по законам»¹⁴. Законоискусник же, согласно Горюшкину, это «тот, который имеет надлежащий навык: справедливо применять законы к делам человеческим, или дела к законам, и выводить заключения, из оных следующие»¹⁵.

Горюшкин придавал большое значение соблюдению законов. «Я думаю, — учил он своих студентов, — что законы должно исполнять не для того, чтоб опасаться какого-либо ответа за преступление их; но для того, что все предписанное ими есть само по себе такое, которое только может составлять наше общественное и частное благосостояние. Следовательно, всякому благомыслящему должно стыдиться вопреки им располагать свои деяния»¹⁶. Главную цель законов, согласно Горюшкину, составляет общее благо. «Гражданские права и законы можно почтить такими путями, которыми бы всяк из живущих в обществе, ради своей пользы, шествуя неуклонно, мог достигнуть к тому великому намерению, которое составляет благосостояние всех и каждого»¹⁷.

¹² *Воспоминания И.М. Снегирева // Русский архив. 1866. № 5. Стлб. 760.*

¹³ *Тимковский И.Ф. Памятник И.И. Шувалову // Москвитянин. 1851. № 9—10 (май). С. 28.*

¹⁴ *Там же. С. 1.*

¹⁵ *Там же. С. 33.*

¹⁶ *Горюшкин З.А. Описание судебных действий или легчайший способ к получению в краткое время надлежащих познаний к отправлению должностей в судебных местах... М., 1807. С. 17.*

¹⁷ *Там же. С. 34.*

Средством, через которое познается законность или незаконность наших действий, Горюшкин считал правосудие. Последнему он придавал высокий нравственный смысл. «Итак, можно сказать, что правосудие есть навык, по которому справедливый человек располагает добро и зло между самим собою и другими по пропорции и уравнению геометрическому»¹⁸, — утверждал ученый.

В связи с этим Захар Аникеевич обращал особое внимание на качества людей, отправляющих правосудие. «Ничто не может, по мнению Платона, утаиться от прозорливых очей правосудия; а потому древние Египетские жрецы говаривали, что острое зрение оного проникает во внутренность всех вещей. От сего ж произошло, что Апулей клялся всегда оком Солнца и оком Правосудия, подразумевая под тем, что как то, так и другое равномерно всевидящи. Сии мнения древних открывают нам, каковы должны быть Особы, отправляющие правосудие. Надлежит, чтоб свет разума озарял их, с помощью которого могли б они открывать истину, где б она сокрыта ни была, и чтоб они, как непорочнейшие девы, не причастны были никаким страстям, и никогда б не допускали развращать себя ни дарами, ни ласкательными убеждениями»¹⁹.

По мнению Горюшкина, судья должен судить беспристрастно, в решении дел он должен быть в одинаковой мере справедлив ко всем подсудимым или спорящим сторонам, независимо, к примеру, от того, бедный или богатый человек предстает перед ним. «Я от вас не скрою, — учил Захар Аникеевич студентов, — слышал я об этом от некоторых милостивых и богобоязливых Судей вот что: если тяжбу имеют равно состояния люди, то, конечно, должно в их деле строго наблюдать правосудие; а когда бедный с богатым, то какой-нибудь участок от избытков богатого отдать бедному, кажется, что тут за грех? А еще милость: богатому это ничего, а бедный, поправя свое состояние, будет иметь кусок насущного хлеба. Но я всегда был противных тому мыслей. Кто столько сострадателен к бедному, так

дай ему из своего кармана; а над чужими кто меня сделал управителем? Но грех-то очень явно видим. Закон Божественный говорит: «Не сотвори неправды в суде, да не примемши лица нишаго, ниже почудитишися лицу могущаго: по правде да судиши ближнему твоему»²⁰.

В историю русской юриспруденции З.А. Горюшкин вошел прежде всего как систематик²¹. Разработка системы российского законодательства являлась главной задачей основного его труда под названием «Руководство к познанию российского законодательства». В этом деле Горюшкин так же, как и во всем, шел своим путем. Он пытался найти принципы систематизации российского законодательства не в абстрактных теориях, а в его истории. «Отвергну многих заключение о том, что никак невозможно привести Российские законы в систему, — писал он, — стремительно опускался в глубину исторической древности нашего отечества и законов онаго, и проходя их постепенно, собирал нужные к сему намерению правила».

Как известно, в западноевропейской юриспруденции второй половины XVIII в. всецело доминировала доктрина «естественного права». Эта доктрина оказывала большое влияние и на русскую теоретическую юриспруденцию конца XVIII — начала XIX в. «Познание права естественного, — писал А.П. Куницын в своей книге «Право естественное», — нужно исследователям законов положительных при определении справедливости оных. Наипаче же оно нужно Практическим Законоведам при самом делопроизводстве, ибо служит им во время проведения законов: 1) как вспомогательное средство толкования, 2) как правило для решения случаев, на которые нет особенного положительного закона, 3) как составная часть положительного законодательства, когда решение случая законодатель предоставляет благоусмотрению судьбы или прямо повелевает решить оный по началам Права Естественного»²². По словам Куницына, «главное начало права может быть выведено только из формы разума»²³.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ Там же.

²⁰ Горюшкин З.А. Описание судебных действий или легчайший способ к получению в краткое время надлежащих познаний к отправлению должностей в судебных местах... М., 1807. С. 64.

²¹ См., напр.: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 347. З.А. Горюшкин причисляется здесь к числу «практиков-систематиков».

²² Куницын А.П. Право естественное. СПб., 1818. С. 16.

²³ Там же. С. 34.

В отличие от многих русских правоведов, Горюшкин выводил «начало права» не из некоего абстрактного «разума», а из народного правосознания — «народного умствования», по его терминологии. Горюшкин признавал существование помимо «человеческого права» также «права Божественного» и «права животных». По его словам, поскольку «человек... сам себе и прочим вещам бытия дать не в состоянии, то по сему заключаем, что все оное произведено от Высочайшего Существа...»²⁴. В связи с этим наряду с «правом человеческим» существует «право Божественное».

В свою очередь «право человеческое», как считал Горюшкин, распадается на «два члена»: «1-е на законы в рассуждении человека особенно от других, 2-е на законы, в рассуждении взаимности его с другими»²⁵. Право, регулирующее поведение человека, когда он выступает «один, без всякой взаимности его с другими» согласуется, полагал Горюшкин, «с естеством человеческим» и разделяется на: «право тела», «право жизни», и «право разума». Признавая, однако, существование естественного права, Горюшкин понимал под ним не воплощенный «разум», а лишь нечто, содержащееся в положительном законодательстве. «Право тела», «право жизни» и «право разума» должны, по его мнению изучаться, поскольку они «положены в установлениях нашего отечества».

Отсюда не удивительно, что право собственности, равенство и свободу, выступавшие, согласно естественно-правовой доктрине, в качестве *естественных* прав человека, русский правовед считал

общественными правами человека. Соответственно и частное право Горюшкин рассматривал в качестве элемента государственного права, связывая его с понятием не индивида, а общества.

Н.М. Коркунов, оценивая правовые воззрения Горюшкина, отмечал, что «он не только не проникся основными идеями тогдашней теории естественного права, но даже, по-видимому, и не вполне усвоил их себе. В своем изложении он не оспаривает, не опровергает их, а просто игнорирует»²⁶.

Несмотря на запутанность предложенной З.А. Горюшкиным систематики законодательства, а также другие недостатки его научных работ, многие из высказанных им мыслей оказались по-настоящему ценным вкладом в русскую правовую культуру. В частности, Горюшкин предвосхитил главнейшие из идей «исторической школы права», возобладавшей в русском правоведении во второй трети XIX в. В главном своем труде он попытался дать обзор истории русского права. «И надобно сознаться, — отмечал И.Ф. Тимковский, — что его попытка написать обзор древних Русских узаконений была лучшею в нашей литературе до издания профессором Рейцем «Опыта истории Российских государственных и гражданских законов». Самое главное, однако, заключается в том, что он не заимствовал слепо чужие теории, чужеродные для русской общественной жизни, но старался создать собственную, более пригодную для русских условий правовую доктрину.

²⁴ Горюшкин З.А. *Руководство к познанию российского законоискусства*. Т. 1. С. 76.

²⁵ Там же. С. 79.

²⁶ Коркунов Н.М. З.А. Горюшкин — российский законоискусник // *Журнал Министерства юстиции*. 1895. № 7. С. 127.